Прикамье

АЛЬМАНАХ
ПЕРМСКОГО
ОТДЕЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

СОДЕРЖАНИЕ

В. Астафьев. — Стародуб. Повесть . . . 3

СТИХИ

И. Калинина, В. Четверикова, И. Лысцова, Л. Прокоповича, В. Евстропова . 36—37

РАССКАЗЫ

А. Соколов. — Изюминка. 38
Л. Давыдычев. — Мадонна. 42

ПОЭМА

Б. Варшов. — Вишенка моя. 44

ОЧЕРКИ

А. Высоковский. — Время химии. . . . 48
П. Ланда. — Вторая Камская. 57
Н. Васильева, Р. Литвина. — В Чердынь за песнями 68
Ю. Власов. — Кизеловская пещера . . . 76

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

О. Селянкин. — В родной стихии 79
А. Кривощекова-Гантман. — «Иньва». . . 83

СМЕСЬ

М. Черныш. — Как в Перми отмечалось столетие со дня рождения А. С. Пушкина. 88

27
1959

Н. Васильева, Р. Литвина

В Чердынь за песнями

Заметки участниц фольклорной экспедиции Пермского государственного университета.

ИЛЬЯ МУЗЕЙНЫЙ

На Чердынской турбазе, где мы остановились, нам сказали: «Сперва сходите к Илье Музейному. Он — всему начало».

Не переставая бусит дождь. Серое выцветшее небо лохматой шапкой накрывает темные бревенчатые домики, круглые купола церквей, прочные навесы прежних купеческих домов и деревянные настилы тротуаров.

Но северный городок живет. По дорогам беспрестанно двигаются грузовики с тесом, лесом, кирпичом, какими-то бочками, автобусы. Перестраивается гостиница. Лесотехникум готовится к приему новых студентов. В помещении старой церкви дымит хлебозавод. У магазина выгружаются книги. Из окна второго этажа школьного интерната слы-

шится треньканье пианино. Девушка с университетским значком вывешивает объявление о лекции на дверь местной библиотеки. На решетке городского сада бросается в глаза большой раскрашенный щит с приглашением на вечер отдыха. На стадионе чердынские футболисты меряются силами с соликамскими. Летом в Чердыни собираются туристы: пионеры-краеведы из Кунгура, старшие школьники-историки из Ныроба, студенты-археологи из Перми, языковеды-диалектологи из университета, географы и геологи от издательства.

Темная дверь небольшого двухэтажного домика со скромной вывеской «Чердынский краеведческий музей» закрыта.

Неожиданно из-за угла появляется пожилой человек и останавливается около нас. Под распахнутым пальто на борту пиджака ордена. Умные прищуренные глаза глядят на нас с удовольствием и уверенностью, по-хозяйски.

Это Илья Алексеевич Лунегов, друг и советчик, человек, которого с радостью ждут во всех селах района.

Тут же на крыльце, пока ходили за ключами, мы приступили к делу. Илья Алексеевич называл деревни, километры, песенниц.

— Вот вам Покча — это от Чердыни 5 километров — прогулочка. В Покче у нас живет старый горнист с крейсера «Варяг». Вот к нему загляните, от меня передайте поклон. Спросите там Евпраксию Степановну, песенницу, скажите — от меня. Из Покчи — в Вильгорт...

И чувствовалось, как перед его внутренним взором оживали эти самые полевые дороги и лесные тропинки, хоженные и перехоженные с рюкзаком за плечами сотни раз за многие годы работы.

Илья Алексеевич предлагает начать ознакомление с Чердынским краем с прогулки по историческим местам города.

Выходим на огромный пустырь... Прямо перед нами здание из белого кирпича, зияющее черными пробоинами вместо окон. Большая часть второго этажа сломана, стены хранят еще следы орудийной стрельбы, крыши наполовину нет... Это бывшая Чердынская тюрьма для политических заключенных. Илья Алексеевич отсчитывает окно второго этажа.

— Здесь была камера, в которой сидел Ворошилов...

Каждый раз, когда кого-нибудь из политических вели на расстрел, чердынцы слышали звуки «Интернационала», доносившиеся из тюрьмы; его всегда пели революционеры для приговоренного к смерти товарища. «Так как-то легче было умирать, — сообщает Илья Алексеевич. — Ну, а сейчас пойдем с вами в поле — там вы увидите братскую могилу неизвестных революционеров, погибших в 1918 году. Сюда обязательно приходит любая экскурсия».

Мы видим небольшую земляную насыпь, огороженную скромным барьером. На ней свежие венки и букеты первых полевых цветов.

— Это оставили пионеры из Красновишерска.

Идем дальше... Останавливаемся около покатого, в виде насыпи, места. Все пространство огорожено и заросло травой.

— Здесь я не разрешаю перекапывать и ходить — пусть все сохранится, как было. На этих земляных валах, которые вы видите, расстреливали революционеров. Они падали под откос, их тела никто не убирал, на них падали другие — так сама создавалась братская могила. Однажды — это было зимой 1918 года — расстреливали большую группу людей. И один из них, старый большевик, как-то успел упасть на секунду раньше выстрела — и остался жив. В ту минуту этого никто не заметил, а ночью он выбрался из мертвых тел и дополз до избы местной учительницы. У нее и остался. Потом добрался к своим и опять продолжал революционную деятельность. Только об этом кто-то узнал и донес. Учительницу забрали и замучили. Живую закопали в снег... Уж много позднее ее замороженное тело перенесли в общую могилу — сразу-то боялись...

— Ну, а сейчас осмотрим музей, — и Илья Алексеевич ведет нас к зданию своего детища.

Музей вызывает двойственные чувства. Любовно собранные экспонаты заинтересовывают самого равнодушного посетителя. Здесь редкие разновидности горного хрусталя и малахита, чучела зверей и птиц, скелет и убранство первобытной женщины, раскопанные самим Лунеговым, воинские доспехи древних защитников Чердыни, богатая купеческая посуда и допотопные орудия крестьянского земледелия, кандалы первого Романова и чугунная плита с фамилиями крестьян, павших при подавлении бунта еретиков.

На стенах фотографии молодых серьезных пареньков в ушанках, строгих, коротко остриженных девушек, пожилых женщин в платочках — это те, кто сражался против Колчака, за революцию, кто на таежных тропах

...сватывался с кулачьем, кто страдал в белогвардейских застенках, кто в мыслях и борьбе устанавливал в Чердыни новую власть. На одной из фотографий молодой Ворошилов в большой папахе и полушубке и рядом женщина: Ворошилов с женой в ссылке в Чердынском крае.

Каждый экспонат, каждый документ свидетельствует о многолетнем труде и неиссякаемом энтузиазме Ильи Алексеевича. Он здесь — заботливый хозяин...

И тут возникают другие мысли. Лунегов действительно единственный хранитель музейных богатств. А ему бы чутких и знающих помощников, историков с высшим образованием, подготовленных географов! Редкий по количеству ценного и интересного материала музей не имеет ни одного научного сотрудника.

Здание музея слишком тесно. Из сорока тысяч экспонатов есть возможность выставить для посетителей всего лишь тысяч 5—6, да и то темное, сырое помещение сокращает срок их годности.

Наше внимание привлекли грамоты VI Всемирного фестиваля хору Керчевского рейда. Илья Алексеевич начал увлеченно рассказывать о новом рабочем поселке Керчево, о Петуховых, руководителях хора.

— Вот было бы неплохо туда поехать. Там как раз современный фольклор и услышите.

Мы обозначаем в своих блокнотах еще один пункт — Керчево.

Долго и увлеченно обсуждаем с Ильей Алексеевичем маршруты нашей экспедиции по карте.

— Илья Алексеевич, не знаете ли, с какой деревни Решетников списывал свою Подлиповку? Говорили, что здесь есть какая-то деревня Липовка, — может быть, с нее?

Очевидно, такого вопроса Лунегову еще не задавали, он задумался. Нет, этого и он не знал. Путь проезда Решетникова не выяснен. Известно, что писатель был в Чердынском крае, но с тех пор часть Чердынской волости отошла к Ныробскому району. Возможно, что именно там, в глухой ныробской парме, лежит маленькая деревенька, привлекшая внимание, вызвавшая душевную боль писателя.

— А знаете, товарищи, — Илья Алексеевич оживился и ткнул указкой по карте куда-то в сторону от намеченных нами пунктов, — побывайте-ка в Долдах... Большие и Малые Долды... Я там давно не был. Дальнее село, отрезанное, глухое, добираться туда трудно. Может быть, Долды напомнят вам Подлиповку.

КАКОЙ СТАЛА ПОДЛИПОВКА?

Вставал в памяти образ решетниковской Подлиповки. Несколько трухлявых перекосившихся избушек, окна, заткнутые старым тряпьем... Нищета... Пустые, вымершие улицы... Никакой жизни — крайнее материальное и духовное оскудение.

Въехали мы в село ночью, под нудный моросящий дождь. Пальто, шаль, ботинки — все промокло до нитки. Холодный ветер проникал под одежду. Темнота поглощала все кругом.

Долды встретили нас гармониями, пением, гулянием.

Долдинцы поют все подряд — старинная песня тут же сменяется частушкой, лирическая, задушевная мелодия быстро уступает место стремительной пляске.

Легенда о Долдах-Подлиповке рушилась на глазах. Первым, кто попался навстречу, оказался, конечно, не Пила или Сысойка, а местный лесник — красивый, стройный юноша в кителе, чем-то похожий на киноартиста Дружникова. Вместо подлиповской бедности и запустения — веселье. В первой избе, куда мы постучались, нас встретили всем, что имелось, — пивом, пирогами.

Долды в исключительно красивой местности. Село на горе, а вокруг далеко-далеко неподвижные леса, поляны, речушки, луга. Они как бы замыкают деревню зеленым плотным кольцом. Оторванность Долдов от всего мира, их затерянность в зеленом царстве издавна стала благодатным материалом для местных легенд и преданий.

— Давным-давно на Долды наступали какие-то сильные племена. Подошли они к самой деревне и вдруг увидели на дороге пестерь. Пестерь — сплетенная из лыка сумка для ягод и грибов. Но враги приняли пестерь за лапоть и испугались: если в Долдах носят такой величины лапти, то каковы же должны быть там люди!..

Глушь... Да, пожалуй, добираться далеко и трудно, и только в этом смысле Долды можно назвать глухим краем. Это — человеческий островок среди безлюдных просторов, но островок, крепко связанный с большим миром.

В Долдах есть все — клуб, кино, почта, сберкасса, библиотека, школа, медпункт, пекарня, родильный дом, магазин, радио и газеты.

Красивые люди в Долдах. У них певучий говор... В его музыкальности и стройности ощущается глубокая внутренняя гармония с этими широкими пространствами, общность

спокойной красоты и первобытной нетронутости. Даже о смерти спокойно и с достоинством говорят: он ладит умирать.

В пермском диалекте «ладить» значит собираться делать, задумывать какое-то дело. Про колхозника, который намеревается строить дом, скажут: он ладит дом делать.

Идет большое строительство — село с обоих концов достраивается новыми избами.

Но главное, что очень радует и сначала поражает — в Долдах много молодежи. Нам постоянно помогали в работе застенчивые, но такие энергичные, с огоньком девушки; мы быстро сдружились с ними.

Непосредственная Валя Митрофанова — колхозный ветеринар. Сама она не из Долд,— из другой чердынской деревни. Долды для нее — начало самостоятельной жизни после окончания ветеринарного техникума, первая проба своих сил. Когда-то, наперекор вьюге и стуже, ветру и дождям, повторяя заданное наизусть стихотворение, чтобы не прислушиваться к волчьему вою, она каждое утро упрямо одолевала нелегкие километры до школы; теперь другие трудности — плохое сено для лошадей и холодные подстилки для поросят, грязные коровники и падеж свиней. И эти трудности требуют еще большего упрямства, чтобы их одолеть, и еще большей веры в свои силы. У Вали есть и то и другое.

Молчаливую Нину Володину и всегда улыбающуюся, отзывчивую Нюру Володину очень трудно застать дома. Они не сестры — в Долдах почти все Володины. Подруги вместе работают в колхозе — на комбайне, на току, на уборке соломы, на силосовании корма — всюду, где нужно.

Аня Мареничева — тоже колхозница. Из них троих она самая неунывающая. И не случайно, что без нее не обходится никакое веселье. Если появляется новая песня, ее можно списать из Аниной тетрадки.

Они пели нам песни, диктовали тексты, приводили с собой «запевал», приносили свои и чужие песенки. Когда мы совсем запарились, — поручали им «самообслуживаться», то есть самим записывать для нас.

Они и сами сочиняют! Правда, мало. А вот в соседнем селе Шишигино за местным творчеством давно и всеми признано право на существование.

Председатель блины пек,
Бригадир подмазывал,
Кладовщик муку тащил,
Счетовод не сказывал, —

пел хор, разъезжая с концертами по соседним деревням.

Не только сатирическое, но и глубоко лирическое начало свойственно этой чуткой, неутомимой юности. Десятиклассники Леня Черных и Виктор Шишигин, связанные крепкой дружбой, живут мечтой о пединституте. Об этом они поют в песне, сочиненной на мотив Ленинских гор:

. . . . . .

А когда съезжаемся домой мы,
Мы бываем вместе там и тут.
Мы в деревне всем давно знакомы.
Мы желаем кончить институт.

И хоть учились всего лишь в средней —
В школе средней мы встаем на путь.
Нас зовут студентами в деревне,
Эту кличку, друг, не позабудь...

Но соседствует с этим благодарным материалом организационная беспомощность. Нет человека, который умел бы и мог подчинить энергию и задор молодых долдинцев хорошей и интересной цели, умело руководить их желаниями, подсказать, направить.

На опыте убеждаемся, как нужны селу филология и филологи — не для отбывания, а для самой смелой и искренней творческой деятельности.

ЛЮДИ И ВСТРЕЧИ

Наша экспедиция начала свою работу в пяти разных концах Чердынского края — в Долдах, Вильгорте, Пянтеге, Губдоре и Керчево.

В каждом месте свои дела, жизнь и работа, встречи, неповторимые впечатления.

В Долдах уже дело кипит. С раннего утра до самой ночи слушаем и записываем — почти без передышки. Это потому, что здесь встретили много интересных людей.

...Когда мы открыли огородную калитку, женщина выпрямилась. Низкорослая, коренастая, в широкой темной юбке и свободной кофте, в белом платке, торчащем концами в разные стороны, она производила впечатление крепко вросшей в землю крестьянки. Какие-то секунды изучали друг друга.

Степанида Егоровна, отбросив энергично лопату, уже приветствует нас:

— В избу, в избу, а то что за разговор на грядах!

И пока мы решаем, как лучше извиниться, что оторвали от работы, ее зычный голос слышится уже из избы:

— Ко мне опять гости! Где-ко должно быть еще пиво!

Ничего не поделаешь — угощаемся.

Тут же сообщаем ей о цели своего визита,

— А... письни-то сказывать я мастерица, да стара стала, голос-то уж не тот, да и забыла все.

— Ну, что вы, Степанида Егоровна, вспомните, вспомните, пожалуйста, нам это очень нужно, — начинаем мы входить в роль.

А Степанида Егоровна широкими шагами выходит из избы и энергично направляется по переулку.

Мы молча поспеваем за ней.

— Катюха, айда ко мне письни петь, гости из города, им опеть слушать нас охота.

— Некогды, некогды, буде вечером.

Степаниду Егоровну отказ не смущает. Она уже по-хозяйски открывает дверь следующей избы.

— Митревна дома? Скажи-ко ей, что Егоровна звала письни сказывать, гости, мол, из города.

Так, благодаря Степаниде Егоровне о нас узнали в Долдах сразу же.

А та, не смущаясь, что не нашла напарницу, тащит нас в другую избу, просит хозяйку дать место гостям и без лишних слов запевает:

Как у нас во Рассеюшке...

Ее хриплый, как будто испитый голос вытягивает тоскующую мелодию, передает все ее сложные переливы. На загорелом до бронзы лице — задумчивость.

Руки Степаниды Егоровны начинают быстро перебирать платок.

— Горя-то на моем веку, девки, много было. Сынов не стало в эту войну. Последний, Ванюша, самый младший, где-ка на самолете летат. Одна я со внучатами. Горя-то больше, чем веселья. Вот грустные-то письни и поешь.

И начинает снова и снова запевать старинные песни. В это утро Степанида Егоровна поведала нам многое из своих старых запасов. Уходили от нее растроганные и счастливые. Песни были разные — не только о печальной доле. Наоборот даже — Степанида Егоровна, забывая все горести, пела назло тоске о безудержном веселье, о надежде...

Этот оптимизм души особенно чувствовался в пении сестер Миковых.

...Аккуратная избушка с высоким крыльцом и чистая комнатка в пестрых половиках. Три сестры-«песельницы». Младшая, бойкая, смешливая, сидит на кровати. Она нетерпеливо заводит одну песню за другой высоким голосом и, стреляя лукавыми глазами на старших сестер, проказливо ввертывает:

— А я лучше вас пела!

Средняя сестра вторит низко и чуть-чуть хрипло — но как искренне и самозабвенно! Она — бабушка, на ее суровом лице след долгой нелегкой жизни.

— Ох, куда уж петь теперь, — она качает головой и охотно усаживается на лавку. Белоголовый парнишка давно тянет ее за рукав: «Бабка, пойдем, мамка кличет». А она только гладит его сморщенной рукой по голове: — Сейчас, погоди вот, споем еще.

Брала-брала Машенька земляничку,
Околола ноженьку о щепичку...

Названия все новых и новых проходных, круговых, солдатских песен и частушек предлагает самая старшая. Она-то и собрала всех специально для нас в уютный, веселый домик младшей сестры. Дом старшей — через несколько изб — не такой. С крыльца двое вымазанных мальчишек сгоняют вицей курицу. Это не внуки, нет, — это соседские ребятишки находятся днем под ее присмотром. А внуков у нее нет. Нет и детей. В гражданскую войну погиб муж, в Отечественную — единственный сын. Самой жестокой стороной повернулась к ней жизнь. Где уж тут петь, кажется! Но она поет — внешне рано состарившаяся, в душе — молодая. И поет разные песни — грустные и веселые, старинные и современные, слышанные ею от дедов и заученные когда-то в школе по хрестоматии. Она не смущается — она просто жалеет, что мы не приехали в Долды раньше, когда она помнила еще больше.

Интересно было знакомство с Федором Андриановичем. За несколько дней работы мы уже свыклись с положением жертв Иванова дня и не противились, если нам предлагали «еще кружечку». И когда входили в избу Федора Андриановича, внутренне были готовы к тому, что и здесь нас встретят хлебом-солью-пивом. Но оказалось все не так. За столом, покрытым белой скатертью, сидел старик с умным лицом и что-то чинил. Кроме него в избе никого не было. Как всегда, заговорили, кто мы и зачем в Долдах. Федор Андрианович лукаво улыбался в усы и молчал. Нам становилось не по себе — в его многозначительной улыбке виделись подозрение и недоверие. Наконец он отложил в сторону работу, снял очки и задумался.

— Так-так, ну что же, можно и рассказать, если надо. Почему не рассказать? Только, может, вам сперва надо какую-нибудь справку, ну что ли кое-что из биографии, отдельные факты, а? Или, к примеру, историю Долд?

Старику явно хотелось начать длинную беседу. Ну, как не уважить в таком случае человека?

Оказывается, у села своя большая и любопытная история. Возникли Долды в 1460 году. С тех пор долдинское население положило начало больше чем десятку других деревень, около ста хозяйств расселились в Сибири и на Алтае. Люди издавна занимаются различными промыслами — плотничеством, баржестроением, лесозаготовками, охотой, рыболовством. У Долд примечательное революционное прошлое. Здесь много было политических ссыльных. О них и о своем отношении к революционерам Федор Андрианович поведал с каким-то затаенным волнением.

От него мы впервые услышали, что в этих краях был и Ворошилов.

— Видаться мы с ним видались, когда я был еще молодым. Получилось это так. С политическими книгами я познакомился еще в 1905 году, — был здесь революционер Пугин; стал я ему помогать, и однажды он пригласил меня в Амбор. В этом Амборе в первый раз я и увидел Ворошилова. Все сидят за столом, вроде как пируют, а сами беседуют. А я сижу на крыльце и как пройдет кто, даю знак — они поют.

Федор Андрианович — неутомимый сказочник. Уже в первый день мы с восторгом отмечали в дневнике: «Можно ли вообще когда-нибудь записать весь запас сказок, хранящийся в его памяти?»

В сказках Федора Андриановича — и в тех, которые он слышал, и в тех, которые он слагает сам,— героем, умным и добрым, всегда оказывается простой человек: это или солдат, женившийся на богатой невесте благодаря своему уму и ловкости, из сказки «Как солдат на три копейки женился», или простоватый мужичок, оказавшийся на самом деле мудрецом («Как мужичок учился на злачьи слова»), или сын бедного пастуха, добившийся в жизни и чина, и богатства, и счастья с помощью смекалки и трудолюбия... Старик мог рассказывать сказки часами, чаще сочинял просто на ходу. И если видел, что мы уже не в состоянии записывать, предлагал нам идти гулять по Долдам и по дороге говорил, философствовал, вспоминал, мечтал вслух.

Как-то он копал землю и натолкнулся на лунку с золой и углем; оказалось, что таких лунок девять штук, и они расположены кругом. Он не сомневался, что открыл капелище (место жертвоприношений), о котором не знает даже Лунегов. Мы снова перекопали эти лунки и открыли еще одну — в центре круга. Действительно, на глубине 20 см залегает слой золы и черного угля. Конечно, гипотеза о капелище сомнительна, но жестоко было бы не разделить со стариком его тайной радости.

Таким он и остался в нашей памяти — добрым, наивным мудрецом.

То, что нам рассказал Федор Андрианович о революционном прошлом Долд, натолкнуло на одну мысль: не с этим ли фактом связано то, что в Долдах много поют революционных песен?

Чаще основной темой таких песен являются переживания солдата перед боем или смертью: солдатская песня, которую нам спели сестры Миковы, — «За лесом солнце закатилось».

Знакомство с Манефой Степановной Кетовой началось еще в Перми. Впервые мы услышали о ней от композитора В. И. Горячих, который сам записывал фольклор в Вильгорте. Вместе с Манефой Степановной им была написана песня «О Колве». Он-то и посылал нас к Кетовой, как к знатоку и хранителю народной песни. С именем Манефы Степановны мы неизменно связывали успех нашей экспедиции.

Рассыпься, горох,
По широкой грядке,
А я выйду плясать
На шестом десятке!..

В этом вся Манефа Степановна. И когда смотришь на ее фотографию, привезенную с собой нашими вильгортцами, ощущение крепости, оптимизма, энергии только усиливается. Статная, черноволосая, немолодая женщина... От ее фигуры, так же как от выражения волевого лица и привычки «держать руки в боки», веет какой-то особой силой, душевным равновесием. Годы действительно не мешают ей быть культурным организатором на селе. Вот что записали о Манефе Степановне наши «вильгортцы» в своем дневнике:

«Трогают задушевность и теплота исполнения мелодии. Голос течет плавно; сначала дивишься чистоте интонации, затем неисчерпаемости песенных запасов Манефы Степановны. Задумчивые «Шумит-то — болит», «Не велят Маше за реченьку ходить» сменяются шутливой, наивно-милой, лирической «Маланьей», рекрутская «Ваньку Хренова забрили» — сатирической песней о монахе. Звучат задорные частушки на местные темы. За проголосной песней следует «походеньшная», плясовая, круговая, шуточная, историческая, свадебная».

Хорошо знакома Манефа Степановна и с поэзией классиков. Ее лирические стихи и песни близки по тематике и стилю стихам Никитина.

Луг цветами покрыт
И росою блестит.
Далеко по лугам
Наша песня летит.

Частушки ее злободневные и целиком посвящены вильгортско-чердынской тематике. Во всем, что спето и сочинено Манефой Степановной, будь то частушка или лирическая песня, сказывается новое мироощущение деревни.

Мы по-новому живем,
Песни новые поем,
Потому, что мы в колхозе
В ногу с партией идем.

Редко дома я бываю,
В клубе с книжечкой сижу.
Я не время убиваю —
За политикой слежу.

Характерно, что в традиционную любовную тему «о миленочке» входят новые мысли и образы:

Меня милый повстречал:
«Здравствуй, горожаночка!»
«Я не горожаночка —
Колхозница-крестьяночка».

И поэтические образы старой частушки (береза, травушка, сокол), которые раньше были символом печали, сейчас выражают совершенно иные чувства.

Раскудрявая береза —
Много соку сочится.
Жизнь культурная настала —
Умирать не хочется.

То же и в лирическом репертуаре Манефы Степановны. В старинной народной песне реке поверяется девичья грусть, жалобы солдатки, тоска матери. Но вот «Колва», сочиненная Манефой Степановной, несет уже совсем другое. По ней плывут плоты, которые нужны стройкам разных городов;

Мы готовим из бревен тесины,
Отгружаем их в баржи весной,
И плывут эти баржи на Волгу —
В Сталинград, наш красавец-герой.

И маленькая, затерявшаяся в тайге Колва оказывается связанной с большой жизнью страны.

Ой ты, Колва, ты, Ковла-речонка,
До чего ты весной широка.
Слышим-слышим гудки пароходов
Волги-матушки русской тогда.

Манефа Степановна — редко встречающийся тип народной сказительницы. В ней талант самородка, который часто встречается у многих народных «песельниц», расцвечен образованием, приобретенным вкусом и навыками.

Но самое большое удовлетворение в этот один из первых дней нашей работы испытывали члены керчевской группы: они держали в руках молодой рабочий фольклор!

* * *

За столом молодая женщина. Это руководитель керчевского хора Людмила Леонидовна Петухова. Людмила Леонидовна — страстный любитель частушки и талантливый ее исполнитель. Она берет у народа различные формы частушки и сама сочиняет по этим образцам. Вот на столе блокнот с записями:

Председателю колхоза
Скажем в назидание,
Чтоб пореже делал он
С рюмками свидание.

Как посмотришь на свиней,
Сразу вывод просится,
Что действительно по-свински
С свиньями обходятся.

Редко из дому выходит
Наш ветфельдшер Чечкин.
Профилактику проводит,
Не слезая с печки.

Людмила Леонидовна Петухова и Петухов, директор керчевского клуба, — именно те люди, чье образование, художественный вкус и организаторское умение так нужны в каждом селе — в Долдах и Губдоре, Редикоре и Пянтеге. Но, пожалуй, нужнее всего они именно в большом строящемся Керчево, где сам темп труда воспитывает безудержную энергию духа, никого не оставляя в роли созерцателя.

Особенно полюбился на Керчевском рейде самый подвижный и действенный жанр песни — частушка.

В керчевском хоре находит свое отражение вся сложная действительность сплавного рейда. О рекордах и трудных рабочих буднях, о нерадивых мастерах и ленивых председателях — обо всем поет хор сразу по горячим следам событий. Его слушают не от скуки и не только ради развлечения. Главная тема исполняемых хором вещей — труд. Два цикла частушек так и называются — «О сплаве» и «О мастерах».

Куплеты хвалят и предупреждают, ободряют, уничтожают, жестоко осмеивают:

На собрании начальник
Очень пылко выступал.
Он нам баню и сушилку
В срок построить обещал.

Обсудили и решили.
А проходит целый год,
Как сушилку засушили,
А от бани пар идет.

Кажется, простые слова и обычная мелодия. Но каждое слово употреблено в таком прямом и конкретном его значении, что весь куплет производит впечатление удара.

Есть и другие частушки — о хороших мастерах своего дела, о тех, на кого можно равняться. Эти куплеты исполняются поочередно с «обличительными», и от контрастного расположения похвала и осуждение приобретают особую силу.

Мастер наш после работы
В клубе здорово помог,
У него и здесь забота —
Драматический кружок.

или

Друг на друга непохожи:
Наш, недаром говорят,
Даже вовремя не может
Написать заказ-наряд.

За оригинальные, запоминающиеся частушки керчевский хор получил серебряную медаль VI Всемирного фестиваля.

* * *

Последний экспедиционный день... Вновь пароходный гудок и вздохи колес под палубой наполняются для нас смыслом и значением. Снова бегут, спешат навстречу песчаные отмели и полосы кустов, но только теперь все это движется в обратную сторону, назад, туда, где мы уже побывали.

Трехместная каюта тесновата для десяти человек, но от этого все чувствуют себя особенно просто. Стол завален тетрадями, блокнотами.

Общее количество собранных песен превышает четыреста.

Оказалось, что в записях, сделанных по разным селам, много общего, перекликающегося. Человек всюду привил песню. Горе и счастье, тревога и радость жизни пели в ней. И почти в каждой песне нежной березкой или гордой сосной, белой лебедушкой или смелым соколом вырастал образ природы.

Песен очень много — интересных, мелодичных, разных по тематике, жанрам, времени написания. Больше всего оказалось песен старинных, а из них — «походенишных», круговых, шутливых и свадебных. В блокнотах каждой группы под специальным заголовком, как большая драгоценность, — песни революции, гражданской и Отечественной войн. Их меньше, чем старинных. Но все бóльшее место в записях этих лет занимают литературные произведения, песни, имеющие авторов и композиторов, пропагандируемые через радио, кино, книги. Советская литература забирается в область народного творчества, обогащается его традициями и, являясь выражением народных мыслей и желаний, часто вытесняет собой фольклор.

Еще заметнее этот процесс в послевоенные годы — в песне, в сказках, в рассказах. Но зато бурно расцветает, находя себе новые формы, привлекая все новых творцов и исполнителей, жанр частушки.

Среди собранных произведений у нас уже есть любимые песни, ставшие за дни экспедиции необходимыми поэтическими спутниками. Как-то сам собой рождается последний «приказ» по экспедиции — разучить «Метелки», «Маланью», «Шинель», а главное — «Ямщика».

— Давайте споем «Ямщика» сейчас!

И в ответ начата уже полюбившаяся всем песня:

Почему ты, ямщик,
Перестал песни петь,
Перестал, стал какой-то унылый?

Это было давно.
Год примерно назад
Вез я девушку тройкой почтовой.

Вдруг жандармский разъезд
Перерезал нам путь.
Тройка словно застывшая встала.

Кто-то выстрелил вдруг
Прямо в девичью грудь,
И она, как цветочек, увяла.

Тепло и печально звучит мелодия. За простыми словами встают бережно сохраненные в памяти картины пережитого.

Что я вижу вдали —
Там береза стоит.
Заросли ее корни травою.

Под березою той
Моя девушка спит.
Унесла мое счастье с собою....

Вот и вся история. Тихим вздохом звучит конец песни, как скорбь по тяжелой утрате, по найденному и потерянному счастью.

Потом поем и песню о Колве, и еще много других, разных...

Выходим на палубу парохода. Опускается ночь. Глубокой, покойной думой дышит Камское море. В темноте среди тысячи зажженных огней видно, как уходят вдаль его безбрежные просторы.